

СКАЗАНИЕ ОБ АКТРИСЕ МОСКОВСКОЙ

Вера Кузьминична ВАСИЛЬЕВА. Народная артистка СССР. Актриса Московского театра Сатиры. О себе, о друзьях, о других. О театре, в котором прожила всю жизнь...

— Почему вы так часто переходили из одного театра в другой?

— Искала настоящее искусство.

— Нашли?

— Да.

— Где?

— В Третьяковской галерее.

Из интервью Фаины Раневской

Галина Смоленская: *Вера Кузьминична, в первый раз говорю с актрисой, играющей на сцене семьдесят лет!*

Вера Васильева: Да, действительно, люди работают в театре, но они уже не играют чаще всего в таком... серьезном возрасте. Не дают ролей или нет подходящих. Поэтому я, конечно, — редкий случай. (*Смеется.*) И приятно это очень, потому что люблю свой театр, и семьдесят лет пролетели как один день.

— И каково это, прожить всю жизнь в одном театре?

— А почему не в одном? Вот этого я не могу понять! Характер у меня очень робкий — это раз. Верный — два. Терпеливый — три. И я бы никогда не рискнула сама бросить все, поменять. Может, если бы меня кто-нибудь переманивал и предлагал что-то очень заманчивое в смысле творчества... Но меня никто не переманивал. Я в прекрасном коллективе, среди чудесных людей. Не всегда у меня те роли, о которых мечтала, но все-таки роли... понимаете? Так что, хоть это и удивительно, но, по-моему, это хорошо — всю жизнь в одном театре. Мне нравится! Это так же, как если бы вы жили, любили своего мужа, прожили с ним всю жизнь, и даже на старости лет чувствовали, что хорошо с ним живете, понимаете друг друга. Вот так и я с моим театром!

— И с мужем ведь тоже?

— Ну да, и с мужем. Так было, действительно... Главное, мне нравятся люди! Атмосфера, мне кажется, у нас вполне приличная или даже хорошая. Я ведь очень редко влезаю в жизнь, поэтому мало знаю, а когда мало знаешь, то все кажется хорошим. Я вижу спектакли; если репетирую — счастлива, если не репетирую — надеюсь, жду...

— А много лет подряд играть одну роль? Вы ведь в «Женитьбе Фигаро» графиню играли лет двадцать, а Анну Андреевну в «Ревизоре» — пятнадцать, кажется?

— Прекрасно! Замечательно! Вы знаете, когда играешь одну роль по многу лет, то такое ощущение, что вот, допустим, я начала играть графиню, мне было тридцать с чем-то, прошло двадцать лет, а я себя такой же в точности и чувствовала! Главное, что и костюм все так же годился! Ну, наверно, я меняюсь, но все-таки внутренне — та же! У меня всегда впечатление, что роли очень молодят. Если играешь героиню моложе себя. (*Улыбается.*) А еще, знаете, как говорила французская актриса кино Николь Курсель, «борьба не старит, старят компромиссы!»

И потом мы же часто импровизируем на сцене, все по-живому идет, характеры только остаются. Какая-то основа есть, канва, а на ней узоры можно рисовать. И когда пар-

В роли Графини. Спектакль «Женитьба Фигаро». Театр Сатиры, 1969

тнер чуткий, то это большое удовольствие. Вот я чуть-чуть другая — сегодня более сердитая, завтра более капризная, более затаненная. И все это не планируется, а происходит внезапно. После спектакля думаешь: а что, она и такая может быть, моя героиня. Поэтому скучно не было никогда, ни в одной роли, которую я играла подолгу. Наоборот — очень тяжело расстаться с ролями, как будто ребенка, которого вырастила, и он куда-то уезжает навеки...

— *И вот однажды вы выступили в новой для себя роли — автора книги «Продолжение души. Монолог актрисы». Начиналась она так:*

«Вдруг, совершенно неожиданно для себя самой я поняла, что жизнь прошла... Мне исполнилось шестьдесят, а моя профессия — актриса. Я хочу играть, хочу на сцене любить, страдать, быть любимой, брошенной, быть дерзкой, быть счастливой. Я хочу, я страстно, одержимо все еще хочу играть... Но не уйдешь от того, что большинство ролей, большинство чувств ушли от меня, я буду их видеть только у других и с болью осознавать, что я в своей жизни что-то не досказала, что во мне кричат погребенные за семью замками чувства и мысли...

Я чувствую тихое, спокойное одиночество. Никто не делает мне ничего плохого, просто все несутся куда-то со своими страстями, желаниями, обидами... Сердце плачет... Даже нет желания пожаловаться, поделиться... Я одна.

— *Вера Кузьминична, что за горькая исповедь?! Вас ведь воспринимают все...*

— *(Перебивает):* Как счастливого человека? Да, понимаю вас. Но я это писала тогда в полном ощущении, что больше ничего хорошего в моей жизни не будет, и мне было безумно печально, безумно! И то, что я стала писать, для меня это было облегчением. Я свои записи даже не перечитывала. Я вообще к этому относилась непрофессионально совершенно, не задумываясь, правильно ли я фразу строю. Как будто говорила сама с собой или с человеком, который меня очень понимает, просто как душа просила, так и писала.

Я, понимаете, неактивный человек! Не могу, не в моем характере пойти, сказать:

«Дайте мне сыграть!» Я просто думала: «Ну что ж делать, значит, не судьба». Но все равно ждала... Может быть, какой-то случайности, знаете, будто птенец такой, вот мимо него летит птица сильная, вдруг — раз и говорит: «Давай я тебя подхвачу!» — «Ну подхвати!» И полетели вместе. Но, в общем, попыток что-то изменить у меня не было никогда.

— *Считаете, это правильно?*

— Я считаю, правильно! Верю, что мой ангел-хранитель за мое кроткое отношение к жизни мне помогает. Иногда думаю — начну стараться, а он скажет: «Что-то ты, Верочка, стала совсем другая, ты ведь не такая!» Ха! И отвернется. И улетит. Вот видите, какие смешные бывают чувства у взрослого человека.

— *А сейчас, если писать ваш монолог «тридцать лет спустя»?*

— Да ведь у меня уже третье переиздание, и там, кстати, нет этого грустного вступления, которое так вас огорчило. Появились новые роли, неожиданно началась новая жизнь, и это уже не минор — это мажор! В финале спектакля «Странная миссис Сэвидж» моей героине позволяют покинуть сумасшедший дом, ей говорят: «Вы можете идти», а она отвечает: «Я не знаю, может быть, я сошла с ума, но мне не хочется уходить отсюда!» И я, когда писала концовку к своей книге, закончила словами: «Вот я все рассказывала, и чувствую, что мне не хочется уходить отсюда — из этой книги, из этой жизни».

— *А театр Сатиры сильно изменился за столько лет?*

— Конечно! Во-первых, нет уже очень многих актеров... Папанов, Миронов, Менглет, Мишулин, Ткачук — огромные потери! Иметь пять таких великолепных артистов, на которых можно строить весь репертуар, и все они ушли... Пережил это театр очень тяжело. Все мы понимали, что обезглавлены. Молодежь, конечно, чудесная, но они не могут еще так чувствоваться, и мастерство им еще надо накапливать, чтобы на свои плечи взять репертуар. Спектакль можно, конечно, выпустить, но ведь никто же не пойдет! Пойдут сегодня только ес-

«Священные чудовища». В роли Эстер. Театр Сатиры, 1996

ли это скандал, а если просто искусство, то никто не ходит на незнакомые имена. У нас нет таких актеров, которые бы привлекали публику, как Женя Миронов, Чулпан Хаматова или Константин Хабенский, — таких имен у нас нет.

— А помните главный парадокс Театра Сатиры в советские времена? Публика его обожала, билеты были валютой, ими взятки давали нужным людям, а критики и академические театры посматривали снисходительно, как-то свысока.

— При Плучеке к нам относились еще не так пренебрежительно, как сейчас. Сейчас вообще не относятся, как будто этого театра нет. Я имею в виду пишущую братию и считаю, что это очень несправедливо. Я чувствую, что их интересует то ли модерн теперешний, то ли скандалы, ну, в общем, что-то совсем другое. Не знаю, не очень понимаю, в чем прелесть таких спектаклей, я, наверное, человек очень старомодный. Люблю театр психологический. Комедия, драма, что угодно, но чтобы это был рассказ о Человеке. Я считаю, к нашему театру

отношение незаслуженное. Но что делать, мы боремся за зрителя, и когда зал бывает полон, то про себя думаем: «Ну не пишут и не надо!» А публика, которая хорошо принимает, — это дорогого стоит.

— *Стиль спектаклей «Сатиры» прежних времен — эзопов язык, зал ловил каждое слово, готовый взорваться хохотом и аплодисментами...*

— Конечно, время теперь совсем другое. Раньше театр был глотком свободы. Текст, казалось бы, совсем другой, но говорили и слышали то, о чем болит душа. А сейчас — говори ради бога! Но то ли душа больше не болит, то ли души нет вовсе, все получается как-то «развлекательно».

Мои роли в том русле, как я люблю, были сыграны «на стороне»: «Странная миссис Сэвидж» в Театре Образцова и спектакль «Однажды в Париже», который поставил Юра Васильев в театре «Модерн». Это малая сцена, всего сто двадцать мест, и можно было слышать буквально каждый вздох, видеть каждую ресничку. Я очень люблю, когда хорошо играют и когда есть что играть. Люблю малые сцены. Этот спектакль,

он был такой трогательный и смешной, но больше все же трогательный, многие плакали. Да вы же видели!

— И плакала... Но вернемся в «Сатиру». С вами играла ваша сокурсница Ольга Александровна Аросева. Вы ведь учились вместе? Так всю жизнь рядом и прожили?

— Да, да! Она только чуть меньше прослужила в нашем театре, потому что начинала у Акимова в Ленинградском театре комедии, но, наверное, лет шестьдесят здесь проработала. А может, даже шестьдесят пять. Она всегда была очень талантливой, очень обаятельной, жизнелюбивой, остроумной, такой и оставалась, как в училище — заводная, крепкая, сильная, страстно любящая театр и успех у зрителя. Умела дружить, по-моему. Но не могу сказать, что мы были близки, как говорится — «не разлей вода». Мы были как бы доброжелательно спокойны, вот я бы так сказала. Мы антиподы, она и я, как люди. И по ролям очень разные, поэтому не конкурировали ни на сцене, ни в жизни. Ольга Александровна любила брать власть в свои руки, любила сказать: «Это отвратительно!» А я сижу себе тихо. Внутренне мне что-то может не понравиться, но тогда я говорю: «Может быть, это не мой мир, не то, что волнует меня, поэтому я могу ошибаться...» Но всегда в очень деликатной форме. Врать, что это хорошо, не могу, но и ругать резко тоже не могу. Почти всегда говорю: «Наверно, я чего-то недопонимаю».

«И сегодня, прожив столько лет в нашем театре, войдя в круг его старшего поколения, я совсем не ощущаю себя маститой. Я не представляю, что от моего предложения может что-то измениться, что с моим мнением кто-либо посчитается. Одиночество свое собственное и каждого из нас я с великой печалью ощущаю».

(Из книги «Продолжение души. Монолог актрисы»)

— Как же так, прожить с людьми всю жизнь и сказать: никто со мной не считается?

— Ну подумайте, господа! Не все ли равно! Не то чтобы даже все равно, конечно, нет! Но значит, так должно быть. Вот меня час-

В роли Джени Герхарт.
Брянский драматический театр. 1949

то спрашивали: «Почему вы не хотите преподавать»? А я очень стесняюсь подсказывать. Думаю, а вдруг я собью человека. Не могу делать замечаний. Могу только «восторгнуться», если что-то очень нравится. Тогда мне не страшно и не стыдно сказать, что это очень здорово. А когда плохо, чаще молчу. Потому что понимаю, что это такое для актера, который выходит на сцену, услышать: «Ты плохо играешь» или «Ты не подходишь».

— Необыкновенный вы человек!

— Почему?

— Очень хороший!

— Да бог с вами! Кто его знает, просто с таким характером родилась. На вопрос: «А вы советуете жить так, как вы живе-

те?» — я отвечаю: «Я не могу советовать. Как я могу сказать человеку энергичному, который хочет что-то изменить в своей жизни: “Не надо ничего! Хотя, готовь себя, но пусть будет, как решит судьба!”». Так можно, если мне кто-то поверит, и судьбу поломать. Да никто и не поверит, что так надо... Конечно, иногда бывает немножечко обидно, что мои лучшие роли в театре никто не видел — нет интереса друг к другу, понимаете? Много хороших ролей, даже, может быть, лучших, но о них никто никогда не узнает, к сожалению, они не сняты для телевидения, и это грустно!

— У всей страны остался образ вашей героини из «Свадьбы с приданым» — вбежав с мороза, прижалась щекой к печке, на плечах белый пуховый платок... такая нежность во всем облике забываемая!

— Да, это очень хорошо было! Как хорошо, что вы запомнили! Это ведь подсказал Борис Равенских. Потому что он так чувствовал роль, деревню! Помню, он говорил: «Пусть у нее будет такой белый свитерочек, такая юбочка, белый полуплечечек, валеночки, и чтобы она прижалась бы!» И я это делала с удовольствием, как хорошо, что вы это заметили, потому что это настолько точно, в этом есть и деревня, и какой-то морозец, и вообще все в этом спектакле было замечательно!

— А еще вы так здорово рассказывали о великом Эрасте Павловиче Гарине...

— Гарин — чудесный актер! В жизни абсолютно беспомощный, бессребреник, не борец, какой-то отступающий и уступающий, но принципиальный — творческих позиций никогда не сдавал. Очень любил Мейерхольда, хотя однажды я прочла в его письмах к жене Хесе Александровне Локшиной: «Опять этот Мейерхольд чего-то выкаблучивается». Но он ему всегда верил. Гарин — человек сказочной доброты, такой чудак-романтик. Мы бывали у него дома, комната как у солдата, очень аскетическая, простая железная кровать, покрытая серым сукном. А у Хеси — роскошный будуар, французские ду-

хи, кружевные ночные рубашечки. Вся такая изнеженная, благоухающая, а он ей кричал: «Хеська, собака, дай что-нибудь поесть!» Это было очень колоритно. Люди они были добрые необычайно, к нам относились как к птенцам, принесли на репетицию огромный термос, бутерброды, чтоб мы ели, пили. Гарин — исключительного обаяния человек. И очень непрактичный, сейчас, мне кажется, бомжем был бы! Потому что не боец, и очень мне этим нравился!

— А Татьяна Ивановна Пельтцер?

— Хм... Пельтцер... Мне всегда казалось, что Татьяна Ивановна очень похожа на Олю Аросеву, они одной группы крови, так ведь говорят? Обе самостоятельные, дерзкие, сильные, палец в рот не кладут. Пельтцер могла послать кого угодно, могла выпить как следует. Но при этом очень хорошая актриса. А Плучек равнодушно к ней относился, у нее не было с ним такого творческого романа, как с Марком Захаровым — это и «Проснись и пой», где она прелестно сыграла, и «Мамаша Кураж» Брехта. Пельтцер целиком была поглощена талантом Захарова. И когда они с Плучеком поссорились, а Захаров все повторял: «Приходите ко мне всегда», она и ушла к нему в Ленком. По-моему, все закономерно. Смелая женщина! Да и потом все-таки он ее звал, а когда человек зовет, он за это отвечает. Она понимала, что не будет сидеть там без ролей.

— О режиссерах поговорим? Давайте начнем с Пырьева, с вашей первой роли в фильме «Сказание о земле Сибирской». Про Ивана Александровича очень много разного рассказывают. Вроде того, что для актрис он был человеком опасным.

— Он был разным. Кому-то, как волшебник, создавал судьбы, а кому-то ломал. Он мог и погубить, и спасти. Он был безумных контрастов человек. Но невероятно талантливый.

«Наутро, не спав всю ночь от волнения, нарядившись во все чужое, со взбитыми немилыми кудрями я появилась на киностудии «Мосфильм». Меня привели к Пырьеву. Долго

смотрел он на меня, не стараясь быть любезным, потом коротко предложил: «Давайте-ка расчешем ее как следует»... С ужасом увидела я в зеркале простейшее деревенское лицо с маленькими глазками. Не понравилась я себе ужасно! Снова пристальный взгляд Пырьева сквозь меня и короткий приказ: «Принесите два простых чулка». Я с ужасом смотрю на ноги, думаю, что же ему не нравится? Иван Александрович берет чулки, комкает в два толстых узла. Подошел ко мне, как к предмету, сунул в мое декольте по чулку, в те места, где должна быть пышная грудь, которой у меня не было, затем отошел в сторону, внимательно посмотрел и сказал: «Ну теперь все в порядке, а то фигура тощая, лицо ступное – не поймешь ничего... Теперь можно снимать».

(Из книги «Продолжение души. Монолог актрисы»)

— Там была какая-то история со Сталинской премией...

— Знаете, публика и журналисты ужасно любят цепляться, особенно если касается Сталина. В какой-то беседе, однажды, вот как мы с вами сейчас, я вспомнила, что в гримерной после окончания съемок «Сказания о земле Сибирской» актеры говорили: «Вот Верочка-то! Ведь никто ее не представлял к званию, а Сталин, когда посмотрел, сказал: “Какая прелесть!” И сразу все документы были оформлены».

А ведь действительно, предполагалось, что премия фильму будет дана, и документы у всех собирали, паспортные данные и т.п., а про меня и слова не было. И вдруг — дали! Так что какая-то доля правды в этом рассказе была, а может быть, и вся правда. А может, и неправда, я так и не знаю, но история в народ пошла... из интервью в интервью. Так что опровергать не буду! Вообще-то на него похоже. Во-первых, Сталин, по-моему, любил такой типаж — открытой русской девушки, простой, счастливой. Такое олицетворение советской мечты. Тем более что Марина Ладынина уже по возрасту чуть-чуть была взрослой для студентки консервато-

рии. На ее фоне я более-менее выгодно отличалась своей непосредственностью, деревенскостью, что ли.

— Следующим вашим режиссером стал Борис Равенских. Больше чем режиссер?

— Ну, о Равенских что говорить... Я считаю, он гениален! Он гениальный во всем. И в том, как он ставил, как чувствовал жизнь, как умел подать женщину, подать любовь. Как он мог это воспевать, как он мог это в нас воспитывать, и мы всегда верили, что это его религия! Вот такое отношение. Что если существует любовь, то это любовь глубокая, чистая, верная, такая, когда человек может пойти на смерть ради любви. Вот он такой, каких нет! Он такой, о каких можно только мечтать! Хотя как характер жизненный он был, наверное, очень неудобен для людей, которые с ним вместе жили. Потому что по ночам не спал, никогда в жизни вовремя не приходил на репетицию, никогда не отпускал ни на какие перерывы. Рабочие умоляли, чтобы его актеры ушли со сцены, потому что надо было ставить декорации к спектаклю, а он никак не мог закончить репетицию. Причем настолько все увлечены были, что от него не отходили. Влюбленные, хохочущие, любящие. Я большего обаяния в своей жизни не видела ни у кого. Поэтому, мне кажется, он был такой всемогущий! То, что он поставил, — «Власть тьмы» в Малом театре и нашу «Свадьбу с приданым», — вошло в историю русского театра. А наш спектакль до сих пор любим! Каждый актер играл прелестно, хотя это не были самые первые артисты, кроме Доронина и Пельцер, но все играли великолепно. Относился он ко мне очень хорошо... Ну, «хорошо» это скучное слово, сложно говорить...

«Расстаться после репетиции для Бориса Ивановича было невыносимо трудно, и мы все ходили дружной стайкой, но однажды он проводил меня домой, на Чистые пруды... Прощаясь с ним у ворот, отдавая лицо свое его любящим рукам, я впервые в жизни почувствовала, что такое смотреть гла-

«Пролитая чаша». Ван Ши-фу, Цю — Т. Пельтцер,
Ин-Ин — В. Васильева. Театр Сатиры, 1952

за в глаза, что такое ласковая рука на моей щеке, что такое властные любящие губы... В театре вскоре все заметили, что что-то произошло. Я, очевидно, излучала, как радиацию, счастье женщины, которую любят... Окутанная, опутанная его любовью, я, как тайна, влекла других...»

(Из книги «Продолжение души. Монолог актрисы»)

— А Валентин Николаевич Плучек? Как с ним было?

— Плучек — талантливый. Он сделал наш театр. Ко мне относился равнодушно. В лучшем случае. Или совсем никак. Так

что жизнь моя была немножечко грустна при нем. Я была на обочине. Спектакли, которые он ставил, знаменитые и хорошие, в них я не участвовала. Я только видела этот успех... Плучек — ученик Мейерхольда, как и Борис Иванович Равенских, но они очень разные. Борис Иванович для меня — мощного духовного заряда человек, который умел построить мизансцены, музыку, оформление спектакля очень мощно выбрать. Валентин Николаевич тоже этим обладал, но главная его сила была в фантазии, в том, чтобы сменой ритмов, сменой действия сшибать что-то привычное. Он был такой немножко хулиганистый. Мне даже кажется, что он предвещил то, что потом пришло в наш театр, — абсолютно авангардное искусство. Потому что спектакль «Клоп» Маяковского больше соответствовал не психологическому, а мейерхольдовскому театру. Это было абсолютно новое искусство.

Я не годилась для него как актриса — я была мягкая, чувствительная, а там надо было играть плакатно, остро, быстро, и поэтому выпала из сферы его творческого внимания. Мне давали роли, но это были спектакли с небольшими режиссерами или с актерами, которые пытались найти себя в режиссуре. Так что я не могу похвастаться, что много с ним работала, но я видела все, что он ставил. Был роскошный спектакль Назыма Хикмета «Дамоклов меч», где все говорили и чувствовали очень по-новому, в те времена считалось — «по-западному». Это была не психологическая, русская актерская школа, это была сдержанность, безинтонационность, но внутри — огромный заряд эмоциональный, умственный. Потрясающе играл Анатолий Папанов, уже там он себя показал драматическим артистом; он великолепно умел молчать на сцене — это великое искусство, и оно возможно только у больших артистов. Героиню чудесно играла Зоя Зелинская, и, кстати, впервые в нашем советском театре на сцене «Сатиры» появилась женщина в купальнике. В то время это было

«Вишневый сад». Калининский драматический театр

очень смело. В туфлях на высоком каблучке, с очень стройными ногами — это производило сильнейшее впечатление на публику.

Потом пришла Таня Васильева. Она была очень любима Плучеком, и тринадцать лет он давал ей самые прекрасные роли, которые сделали из нее, по-моему, превосходную актрису, хотя она от природы была награждена талантом большим и очень эксцентричным, трагическим, комедийным, она очень разнообразная актриса.

У нас была масса интересных спектаклей. Приходили потрясающие люди, мы все дружили... Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина были в орбите нашего театра. Приезжала Эльза Триоле; из-за того, что у Валентина Николаевича в родственниках были Питер Брук, его знакомства были уже европейские. Он вообще обладал, по-моему, амбициями ве-

ликого режиссера. О себе понимал, что очень талантлив, очень дерзок, — и это не значит, что он хвастался, но себе цену знал и вел себя соответственно. Хотя у нас снимали, запрещали много спектаклей, а это обычно людей «подсекает», надламывает, Плучек оставался бойцом и был всегда в хорошем настроении, не унылый, не запуганный. Дали ему по носу, а он пойдет опять в бой. Вот такой был человек.

Моя жизнь с ним складывалась трудно, потому что я не была предметом его заботы или творческого увлечения. Достались мне две роскошные роли за нашу сорокалетнюю совместную жизнь — графиня в «Женитьбе Фигаро» и Анна Андреевна в «Ревизоре». По-моему, это была удача для меня. Я была счастлива, когда играла, и мне нравились оба спектакля, а «Фигаро» я просто считаю шедевром и после нашего «Фигаро» смотреть другие не могу! Не хочу!

Плучек создал Андрея Миронова. Он ему подбирал репертуар от роли к роли все разнообразнее и глубже. Андрей становился и драматическим актером, и трагедийным. Живи он сегодня, стал бы уже звездой мирового класса, потому что был очень талантлив. И очень трудолюбив. Кроме того, он был, мне кажется, соавтором тех спектаклей, которые ставил Плучек. Потому что очень чувствовал современность. И хотя не был политически активным, но через роли говорил о свободе, о презрении к любому лизоблюдству. У него был совершенно потрясающий Жадов, да он все играл прекрасно, и Лопахина, и Дон Жуана. Андрияша — это было чудо нашего театра!

Так что театр при Плучеке очень высоко стоял. Когда мы потеряли Миронова и Папанова, еще при жизни Валентина Николаевича, это был удар страшнейший, после которого люди просто иногда не могут выкарабкаться, но Плучек в свои восемьдесят или уже под девяносто поставил «Укрощение строптивой», где не было уже наших корифеев. Чудесный, совершенно очаровательный спектакль!

«Однажды в Париже». Театр «Модернь»

Я сильно его хвалю, и это действительно дань тому, что он сделал. Но, повторяю, моя жизнь в театре была очень печальной и трудной. Хотя мы никогда не выясняли отношения и ни о чем не говорили. Я себе работала, играла, что давали, и ни на что особенно не жаловалась.

— *Может, он ждал, чтобы вы его попросили?*

— Однажды в жизни попросила. Роль Раневской в «Вишневом саду», когда ушла Таня Васильева и не было никого на замену. Он даже всерьез со мной не говорил. Шутливо сказал: «Ну, Вера, эту роль хочет и Нина Архипова, и Оля Аросева. Я лучше дам какой-нибудь молодой...» И все. Больше я никогда ни о чем не просила.

— *Тактичный какой Валентин Николаевич! Хотя, впрочем, режиссеры не бывают тактичными.*

— Да, они бывают разными. И сумасшедшие, и злые, и бессердечные. И влюблен-

ные рабски совершенно! Потому что если кто-то выполняет их замысел, они любят этого актера бесконечно!

Валентин Николаевич не занимал меня, не давал ролей шесть лет. Спасло то, что вдруг художественный руководитель Тверского театра драмы Вера Андреевна Ефремова пригласила меня на роль Раневской. Приблизительно тогда же, что и у нас в «Сатире», в Твери шел «Вишневый сад». Я репетировала, вошла в спектакль и десять лет приезжала в Тверь на два спектакля в месяц, испытывая огромное счастье. А главное, я поверила — мои мечты были не беспочвенны. Я ведь так мечтала о серьезных ролях. Я поняла, что я это могу! «Вишневый сад» возили в ФРГ, там роскошно нас приняли, потом в Греции был большой успех.

Потом меня пригласил в Орел режиссер Борис Голубицкий на роль Кручини-

«Мольер». Мадлена — В. Васильева, Мольер — А. Ширвиндт. Театр Сатиры, 2010

ной, ее я тоже играла двенадцать лет. А потом сыграла «Воительницу» с режиссером Борисом Александровичем Львовым-Анохиным, и эта работа покорила даже Плучека, он перевел спектакль с малой сцены, на которой он шел, на большую. Этот знак его расположения помог мне выйти на большую сцену с совершенно изумительной ролью.

После этого вдруг пошли предложения на старости лет... Но все роли роскошные! О каких только может мечтать актриса: «Священные чудовища» Жана Кокто в постановке Александра Вилькина, «Таланты и поклонники» А.Н. Островского, где я сыграла Домну Пантелеевну, тоже, по-моему, достаточно свежо, чудесный режиссер Борис Морозов ставил. Так что жаловаться мне не на что. Невозможно! Я могу только сказать: «За что такое счастье!?»

— Наверное, за терпение. А потом еще был «Реквием по Радомесу» с Романом Виктюком...

— Я ведь поначалу отказалась от роли! Почитала ее незначительной. Но однажды в театре около лифта он ко мне подошел и спросил: «Верочка, а вы любите такого-то человека?». «Да». Он говорит: «Вот то, как вы мне сейчас ответили... Я вам клянусь, вашу роль заметят. В ней есть любовь, о которой героиня не рассказывает, но которую пронесла через всю жизнь. Поверьте мне». И я поверила. И мы стали репетировать. Более божественных репетиций я не помню. Мы были влюблены все друг в друга, и в режиссера, конечно. Виктюк кричал, ругал нас невероятно. А так как все было радиофицировано, то на весь театр раздавался очень неприличный ор. Он называл нас девочками. На репетицию приходила Елена Образцова всегда невероятно красивая, в прекрасных одеж-

С Ольгой Аросевой

дах. У нее на руках была собачка, которую она звала Манон. И однажды во время репетиции нам нужно было запеть, я начала свою партию, вдруг собачка Манон завывала очень тоненьким голосом. И мы все хотали... А потом вышел спектакль. И это был гимн искусству.

— А «Пиковая дама» с Андреем Житинкиным? Да еще в Малом театре!

— Графиню репетировала Элина Быстрицкая. Уже были сделаны костюмы, декорации. И вдруг она взяла отпуск до Нового года. Я всегда стараюсь как можно меньше знать о том, почему человек принимает то или иное решение. Видимо, не желая подводить театр, Быстрицкая порекомендовала Житинкину на эту роль меня. И руководство Малого театра рискнуло. Я позвонила Элине Авраамовне. Она подтвердила, что играть не сможет и пожелала мне успеха.

Знаете, Малый и МХАТ — на эти два театра я Богу молилась. Еще девочкой сидела на галерке Малого театра и мечтала — вот бы мне...

— Пиковая дама — фигура мистическая. Не боялись?

— Сначала не думала. Но вы же помните о том кошмаре. В ноябре прошли первые премьеры, а уже в декабре... Я отыграла сцену и пошла к себе в гримерную, переоделась на финал. Шла в прекрасном настроении. Только оказалась за кулисами, сделала шаг... В общем я зацепилась за платье — мне бы его приподнять, как я это делала всегда, а тут... Чувствую, падаю плашмя. И сразу адская боль. Меня подхватили, помогли дойти до гримерной.

— Но вы еще спектакль доиграли!

— Да, вышла на последнюю сцену. Но не смогла переодеться и играла в неподхо-

«Странная миссис
Эвидж»

дящем для финала платье. Помните, я там пою колыбельную а капелла Герману, но боль была настолько сильной, что мне пришлось просто проговорить эту колыбельную. Да сама бы я, без помощи, и подняться с колен не смогла бы. И тогда Лиза подошла ко мне и через всю сцену провела в кулисы. А зрители решили, что, наверное, так и надо.

Да... Пиковая дама за что-то на меня рассердилась. Может, за то, что взялась ее играть? Меня вообще вначале очень сму-

щало, что роль эта хоть по возрасту мне и подходит, но не соответствует представлению обо мне зрителей. За мной ведь идет шлейф добродушных героинь, графинь. Я опасалась, что это может помешать. Видимо не того боялась...

Понимаете, актрисам в моем возрасте вообще не дают ролей! Ждать-то я ждала, или правильнее было бы сказать, уже даже и не ждала... Но жила! Не умерла! И счастлива, что играла, потому что старость сама по себе очень печальное явле-

Верочка Васильева

ние. А когда играешь роли, которые любишь, в которые вкладываешь все, что понимаешь о жизни, а именно этим и дорог театр, то большего счастья представить невозможно! Я за это судьбу благодарю. Такая свалилась на меня удивительная награда божеская.

Как я живу? Мы теперь мало встречаемся. Не знаю никаких событий, не знаю интриг, не знаю ничего, я и раньше ничего этого не знала, но сейчас живу совсем просто — дом и сцена. И все. Я одна-одинешенька, и то, что мне посылает судьба, это она посылает, а не чьи-то связи или хлопоты. Связей у меня нет. И не было никогда. Но жаловаться мне не на что.

— *Ве́ра Кузьми́нична, есть что-то главное, самое важное, чего я не спросила у вас?*

— А знаете, мне кажется, в любой беседе есть внешняя сторона жизни, кото-

рую мы с легкостью раскрываем, и потаенная — ее можно только угадать. Интервью, ваши вопросы и мои ответы... Это скорее талант собеседника. Самое сокровенное почти невозможно рассказать. У меня есть зрители, которые относятся ко мне, как к своему исповеднику. Мой разговор с ними проникнут душевным доверием, оно мне дороже всего. Это результат целой актерской судьбы. Если говорить о том, что главное — вот это! Актера нужно почувствовать. Так что, даже если бы вы задали тот самый «главный» вопрос, я бы ответить не смогла. Не смогла бы раскрыть душу. Но она раскрывается везде — и в нашем разговоре, и в моей книге, и, главное, в моих ролях. Значит, она есть, душа!

Галина СМОЛЕНСКАЯ